

НИКИТА МИХАЛКОВ

К моменту поступления в театральное училище имени Б. В. Шукина он, выпускник средней школы, имел уже четырехлетний актерский стаж. С первых шагов своей актерской карьеры Никита Михалков производил впечатление безоблачного счастливица и избранника судьбы. Выросший в атмосфере искусства, он надеялся своих юных героев собственным замечательным чувством раскованности и свободы. За эту совершенную свободу экранного существования, за победное и в то же время простодушное обаяние всеобщего любимца и стопроцентного удачника и ценили его режиссеры. В представлении зрителей шестидесятых он с беспорочным изяществом и психологической достоверностью выражал типические черты послевоенного поколения, первого, в сущности, за всю нашу историю, выросшего в условиях благополучия и достатка.

Однако постепенно выяснилось, что участь любимца публики его не очень-то прельщает. Поколение, столь точно отображенное Никитой Михалковым в сыгранных им ролях, неуклонно приближалось к возрасту зрелости, жаждающей, как это и положено, серьезного разговора о мире и о себе в

нем. И тогда зрители познакомились с Никитой Михалковым — режиссером. К этому знакомству он готовился четыре года вдали от зрительских взоров, на студенческой скамье ВГИКа, под руководством Михаила Ильича Ромма.

Семь лет назад, на пороге тридцатилетия, Никита Михалков представил на наш суд первую полнометражную ленту «Свой среди чужих, чужой среди своих». Отталкиваясь от стилистики вестерна, он привычным — звонким и победным — тоном воскликнул: «Вот как я могу!» И мы убедились: может! Картина эта стала демонстрацией его мастерства, находчивости, изобретательности.

Затем была мелодрама, тоже продемонстрировавшая свободное и уверенное владение законами жанра, — «Раба любви». Если здесь было во многом новое видение сложившихся форм, то последующие работы уже не укладываются в какие-то определенные жанровые рамки: «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Пять вечеров», «Несколько дней из жизни И. И. Обломова». Эти фильмы не просто получили широкое признание. О них спорили и продолжают спорить. Они принесли постановщику три-

умф на международных кинофестивалях в Чикаго, Оксфорде, Сан-Себастьяне, Белграде, Тегеране...

И вот недавно мы познакомились с шестой картиной Никиты Михалкова — «Родня».

Условности, причуды, парадоксы городской жизни, увиденные глазами простого и цельного человека из деревни, — ситуация в кино не новая. Но для авторов «Родни» она стала только отправной точкой. Не отказываясь от заключенных в ней выигрышных для актеров и гарантирующих одобрительный прием у зрителей моментов, постановщики этим не ограничились. Они создали трагикомедию о стремлении к пониманию и о разобщенности, об огромных запасах терпения и деликатности, которые нужны нам, чтобы понять друг друга.

«Родня» еще раз продемонстрировала тяготение Никиты Михалкова к «вечным» проблемам, на каком бы материале он ни работал. В любой эпохе ему удается обнаружить и приблизить к зрителю тот нерв, который всегда составлял существо человеческих переживаний, ибо жизнь каждого человека сводится в конечном итоге к поискам истины.

Вступило в пору зрелости

и актерское дарование Михалкова. Новый этап его исполнительства открылся сложнейшей ролью Алексея Устюжанина в «Сибириаде». Обаяние, предельная органичность бытия на экране — теперь лишь исходные данные, отталкиваясь от которых, актер в итоге может прийти к результату совершенно неожиданному и даже вовсе противоположному всем ожиданиям и наигранным схемам. Таков и его Борис из фильма «Портрет жены художника» — с этой работой туляки имели возможность познакомиться совсем недавно.

Нельзя обойти молчанием и деятельность Никиты Михалкова-сценариста (соавтор сценариев лент «Ненависть» и «Транссибирский экспресс»).

Тридцать семь — прекрасный возраст для художника. Позади период самоопределения и самоутверждения, прояснились цели, достигли полного расцвета способности, подкрепленные уверенным профессионализмом. И еще очень и очень много впереди...

Б. ЛЬВОВ.

На снимке: Н. Михалков в фильме «Портрет жены художника».

Малозой каммушер. Туля, 1982, 2 окт